

Автор: Михаил Туруновский

Название:

МЕЖДУ ЯВЬЮ И СНОМ

КАМЕРА, МОТОР, НАЧАЛИ!

серия кинороманов

Михаил Туруновский

Между явью и сном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72484189

SelfPub; 2025

Аннотация

Некогда популярный российский писатель страдает от депрессии и одиночества в собственной семье. Но приснившаяся ему во сне незнакомка, фантастическим образом возвращает его в прошлую жизнь в Италии, где он вновь обретает потерянную любовь и творческое вдохновение.

Михаил Туруновский

Между явью и сном

Между явью и сном

(мини-роман)

Автор: Михаил Туруновский

Мягкая ковровая дорожка непривычно просела под жёсткими каблуками туфель, когда Александр Вольский впервые ступил на неё в качестве претендента на престижную литературную премию.

Преуспевающему коммерсанту, неожиданно написавшему свой первый в жизни роман, до последней минуты не верилось, что всё происходившее с ним в эти минуты не являлось сном или плодом его богатого воображения.

С каждым шагом, по мере приближения к сцене, где располагалось авторитетное жюри конкурса, он, словно школяр перед экзаменом, ощущал неукротимое волнение и всё отчётливее слышал стук собственного сердца.

Под звук какой-то очень популярной в те годы мелодии он вслед за остальными претендентами на победу поднялся на сцену и, развернувшись к залу лицом, слегка зажмурился от яркого света софитов.

Затем потянулись ещё более волнительные минуты, когда жюри начало объявлять победителей в различных номина-

циях конкурса, которым, казалось, никогда не будет конца.

По мере оглашения результатов стоявшие рядом с ним претенденты поочерёдно подходили к председателю жюри и под громкие аплодисменты получали дипломы и денежные сертификаты.

Александр даже не успел осознать, что остался последним из тех, кто пришёл сюда за своей наградой. А когда торжественно, под раскатистые звуки фанфар прозвучало его имя в качестве обладателя гран-при конкурса, то не смог даже сдвинуться с места.

Потом он долго жал руку председателю. Улыбаясь, что-то отвечал на поздравления остальных членов жюри, всё ещё не веря в свою нечаянную победу. А когда вышел на край сцены, чтобы произнести торжественную речь победителя, то, ослеплённый направленным на него прожектором, застыл на месте, напрочь потеряв дар речи.

– Александр! Александр, вы меня слышите?! – где-то вдалеке прозвучал вежливый голос секретарши, выдернувший его из приятных, но уже далёких воспоминаний. – Проходите. Шеф вас ждёт.

Вольский, словно проснувшись, слегка вздрогнул и вопросительно огляделся по сторонам. В приёмной генерального директора издательства, с которым Александр бессменно сотрудничал уже много лет, кроме него, не было никого.

– Прошу прощения, Катая! Это вы мне, как я понимаю? – зачем-то переспросил он и, поднявшись с дивана, направил-

ся на аудиенцию. Накануне босс назначил ему эту встречу сам. В свою очередь это означало возникшие проблемы и непростой для писателя разговор.

– Привет, Саш! Давай, давай, проходи! – встретил его Кугель Марк Анатольевич, глава одного из самых известных в стране издательств.

Прикрывая рукой трубку телефонного аппарата, Марк жестом указал на стул и вполголоса добавил: – Извини, ради бога! Срочный звонок! Пару минут буквально.

С тех пор, как Александр, словно по мановению волшебной палочки, превратился из успешного предпринимателя в известного писателя, прошло десять лет. Все эти годы его неизменным издателем был только Марк. Тогда, сорокапятилетний и уже опытный делец из мира книгоиздания быстро взял в оборот начинающего, но очень талантливого литератора.

Этот невысокий, лысоватый, чаще всего не совсем опрятный в одежде человек имел прирождённый талант заводить новые знакомства. Но ещё лучше у него получалось поддерживать их многие годы. Поэтому, подобно магниту, он удерживал вокруг себя нужных ему людей и старался быть другом для каждого из них.

Жизнь Марка Кугеля была необыкновенно насыщена событиями. Он любил часто менять окружающую его обстановку, много путешествовал и вообще не терпел скуки и однообразия.

Вольский, в свою очередь, принадлежал к тому типу людей, которые во всём ценили стабильность и постоянство. В его поступках всегда можно было разглядеть признаки здорового честолюбия, которое вело его по жизни, требуя новых побед и подтверждения собственной значимости.

Кроме того, он обладал большим трудолюбием и быстро вникал в любую тему. Всё это легко возбуждало в людях острое конкурентное чувство по отношению к нему, и, как следствие, Александр чаще всего оказывался окружённым яркими противниками или просто завистливыми недоброжелателями.

В результате некогда открытый и общительный человек начал стремительно избегать тесных знакомств и теперь подпускал к себе новых людей с большой осторожностью. Он подолгу выдерживал с ними определённую дистанцию, прежде чем позволить приблизиться к себе.

Александр был сильным человеком, но его ахиллесовой пятой всегда являлись неудачи. Вольский принимал их очень близко к сердцу и переживал свои поражения тяжело и подолгу.

В такие моменты он подвергался разрушающей самокритике и во всём винил только себя.

В остальном Александр казался настоящим образцом для подражания.

Высокий, стройный, спортивного телосложения мужчина всегда выделялся в любой компании. Его густые чёрные во-

лосы в сочетании с тёмно-голубыми глазами, выразительный подбородок с небольшой ямкой посредине и крупные мужские скулы делали его объектом воздыхания многих и многих представительниц слабого пола.

Однако Александр никогда не злоупотреблял их избыточным вниманием. От природы он был, что называется, однолюбом и даже в интимных связях предпочитал всё то же постоянство.

Нельзя сказать, что посторонние женщины не интересовали его вообще. Иногда в его жизни происходили случайные связи, которые всегда быстро заканчивались, едва возникнув.

Они отбирали у Вольского слишком много сил и внимания и к тому же вступали в острое противоречие с его нравственными устоями.

В мир литературы он словно влетел на крыльях собственной удачи и, безусловно, врождённого таланта, который дремал в нём многие годы. Тогда ему было только тридцать два, и жизнь казалась бесконечным продолжением однажды начатой истории.

Вопреки врождённой осторожности, тогда он неожиданно быстро сошёлся со своим издателем. Мало того, с Марком они имели не только официальные контакты, но проводили совместное время на различных деловых раутах и всевозможных творческих тусовках. Хотя и там их беседы рано или поздно перетекали в русло литературы, заканчиваясь

обсуждением новых творческих планов.

Пока Марк вёл телефонную беседу, Вольский успел разглядеть на его рабочем столе свою последнюю изданную книгу и сразу догадался, что речь сейчас пойдёт именно о ней.

– Всё! Слава богу! Надеюсь, отстанет уже! – выдохнул Кугель, возвращая телефонную трубку на место. – Ты знаешь, я не перестаю поражаться! Почему, если у человека появляется много лишних денег, он сразу хочет стать писателем? Почему им обязательно нужно увидеть своё имя в верхней строке обложки, даже если они прекрасно понимают, что всё, что напечатано в этой книге, является не просто результатом работы редактора над их текстом, а заново написанным за них произведением. Вот скажи! Кода ты писал свой первый роман, ты думал о славе, деньгах или ещё о чём-то подобном?

Александр, не ответив, внимательно посмотрел на своего издателя, давая понять, что желает без вступления перейти сразу к основной теме их встречи.

Марк уловил его взгляд и, начиная подбирать нужные слова, тихо и неразборчиво что-то пробубнил себе под нос.

В этот раз Кугелю, как никогда, было тяжело начать очень не простой для него разговор, и он заметно тянул время, прежде чем перейти непосредственно к делу.

Наконец, Марк тяжело поднял со стола книгу и глубоко вздохнул.

– Мне трудно об этом говорить, дружище, но я, как глава

издательской фирмы и твой старый друг, просто обязан это сделать.

– Что, совсем плохо продаётся? – помог ему Александр и опустил глаза.

– Если бы только плохо! – взмахнул руками Кугель. – Сказать точнее – вообще не продаётся! А я тебя тогда предупредал, между прочим, что всё именно этим может закончиться! – пригрозил он пальцем, слегка повысив тон, – Но ты сумел меня переубедить, и вот результат. Пожалуйста. Даже на окупаемость не выходим.

– Может, просто маркетинговую стратегию поменять? – сухо предложил писатель и отвёл взгляд куда-то в сторону, невольно подчёркивая своё внешнее безразличие к создавшейся ситуации.

– Стратегию, говоришь? Да нет, батенька. Не хотел я тебе говорить, но придётся, как видно. Что случилось, Саш? Где твой оптимизм, юмор? Ты же так живо вначале писал! Ну, есть же талант! Этого у тебя не отнять. Откуда вдруг эта смертная тоска в твоей последней книге? Кстати, первые главы новой рукописи я тоже прочитал, и там то же самое. Будто подменили человека! А твой читатель хочет тебя, а не этого мрачного зануду. Никто не хочет слушать жалоб на одиночество и тоску. Выйди и оглядись вокруг. Да ведь сплошь поникшие мрачные лица. Люди словно окопались в своих многоэтажках. Они просто разучились общаться друг с другом и жрут своё одиночество, словно яд, на завтрак, обед и ужин.

А ты им своего Сеню, словно списанного с них самих, подсовываешь. Да ещё и в могилу его в результате закапываешь. Ты ведь всех их вместе с ним хоронишь. Я ведь тебе объяснял уже.

– Но это же правда. История мною из жизни взята, – попытался вяло оправдаться Вольский.

– Да к чёрту эту твою правду и историю вместе с ней! Нет никакой правды и не будет никогда. В этом мире есть только твоя правда или не твоя. Хочешь претендовать на истину, становись богом тогда. А пока ты только писатель, и твоя обязанность показать людям выход из тупика, в котором многие из них уже оказались. Подари им надежду. Пусть она даже окажется сказкой, но романтической и красивой! Перечитай Грина, наконец. Его «Алые паруса», и ты сразу всё поймёшь!

– Ладно. Я всё понял. Рукопись в корзину, контракт с издательством туда же. Что-то ещё или могу уже идти?

– Так и знал. Начинается! Прямо вижу твою удаляющуюся сгорбленную спину в дверях кабинета. Обижаться он ещё вздумал! Я тебе по-дружески прямо говорю. Нечего тут расусоливать. Тебе нужно срочно что-то делать с собой. Хочешь, психотерапевта хорошего посоветую? Хотя, что я говорю. Видел я, как вы с Ленкой последнее время общаетесь. Тут и дураку всё понятно.

Услышав его слова, Александр сразу повернул голову и молча уставился на Марка, который заметно оживился сде-

ланной догадкой.

– Что, угадал? Вижу. Не ты первый и не ты последний, кого бабы со свету сживают своими капризами. Денег требует, да? В точку попал! – ещё больше начал заводиться Марк и даже слегка приподнялся в своём кресле. – Ну да. Мадама она у тебя ещё та, я тебе скажу. За такой шикарной блондинкой глаз да глаз нужен! Фигура, волосы и, ты извини, всё остальное ещё при ней. И цену она себе тоже знает. Не боисься, что уведут?

По глазам было видно, что Александр хотел что-то ответить, но в последний момент передумал. Он просто с обидой махнул рукой и, отворачиваясь, пробурчал: «– А ну её!»

Кугель округлил и без того выпученные глаза и возбуждённо подбросил вверх свои пухлые ручки.

– Ну ты мужик, даёшь! Ты чего, как маленький? Надоела красавица жена, так осмотришь вокруг. Подругу себе завести не можешь? Да в наш век интернета – это же на раз-два, как говорится. Тем более с твоей-то внешностью! – покачал оно головой. – Вот смотри! Я тут сайтик один весьма любопытный обнаружил на днях. Э-э, как его там? Название ещё мультяшное такое. Одну секунду!

И Кугель с азартом, вспыхнувшим в глазах уже немолодого ловеласа, быстро погрузился в свой рабочий компьютер в поисках площадки онлайн знакомств.

– О! Нашёл. «Мамба» называется. Там такие варианты, я тебе скажу, попадают, что дух захватывает! Клянусь! «Где

мои семнадцать лет...» – закатив глаза, начал напевать Марк известную песню Владимира Высоцкого.

– На «Большом каретном», – сухо продолжил за него писатель и следом перефразировал одну из строк той же песни, – Там же, где «мои семнадцать бед».

– Вот и отлично! Там их и оставь! Какого чёрта ты весь свой хлам за собой по жизни потащил. Выбрось! Начни сначала. Это никогда не поздно сделать, – заявил мужчина, который год тому назад сменил уже четвёртую жену.

Видимо, вспомнив об этом обстоятельстве, Марк слегка закашлялся и заёрзал в кресле.

– Н-да... Ну, ты меня понял, в общем, – резко обуздав своё внезапное возбуждение, снова перешёл к делу Кугель. – Короче говоря, бери себя в руки, прекращай хандрить и возвращайся на «круги своя», – снова процитировал он название известного романа. – На этом всё! Мне тебе, к сожалению, сказать больше нечего. Человек ты взрослый и умный. Уверен, что всё понял правильно. Иными словами, как будешь готов порадовать меня своим новым шедевром, а не тягомотиной этой, милости прошу. Жду и верю в тебя, дружище!

С этими словами Кугель привстал за рабочим столом и протянул Александру на прощание свою руку.

Покинув стены издательства, Александр отправился на городскую набережную, которая находилась по близости.

Была весна. Чистое солнечное небо, пьянящий аромат

свежего апрельского воздуха и радостное пение птиц всегда действовали на него исцеляюще.

Вольский не спеша зашагал вдоль каменного парапета, время от времени шурясь от ярких солнечных зайчиков, которые отражались в прогалинах освобождавшейся ото льда реки. В такие минуты ему обычно всегда хорошо и легко ду-малось.

Состоявшийся разговор с издателем не стал для него неожиданностью, хотя всё же заметно подпортил и без того не важное настроение. Александр и сам давно был недоволен своими последними работами. Его тексты теперь получались какими-то вымученными и совершенно неживыми, а персонажи чужими и порой фальшивыми.

Даже получив за свои первые романы сразу несколько престижных, в том числе международных премий, он продолжал сомневаться в своём писательском таланте. Ему всегда казалось, что он чего-то недосказал в своих книгах, которые можно было написать гораздо лучше. А творчество, которое, казалось, должно было его окрылять, теперь всё чаще вызывало в нём состояние хандры. И хандра эта становилась тяжелее год от года.

По прошествии пяти лет, когда миновала черед а оглушительных побед, его стали замечать гораздо реже. Вновь изданные книги покупались скорее по инерции и совсем не в тех объёмах, что прежде. Он чувствовал, что всё быстрее приближается к критической отметке, за которой оставалось

лишь творческое банкротство.

И вот сегодня настал тот самый день, когда издатель «по-дружески», но жёстко указал ему на огромную течь в его, когда-то, неподвластном литературным штормам корабле.

Александр воспринял этот удар как должное и физически ощутил, что больше не может противостоять напавшей на него стихии.

Неудачи последних лет, в свою очередь, не могли не сказаться на его отношениях с женой. За годы его успешной предпринимательской деятельности и первых лет оглушительного успеха на литературном поприще Елена успела привыкнуть к лёгкой обеспеченной жизни. Кроме того, ей необыкновенно импонировал статус супруги модного писателя. Постоянное мелькание в популярных журналах и на телевидении приносило ей массу удовольствия. А завистливые взгляды подруг лишь подогревали её внутренний восторг.

Поэтому раскол в семейных отношениях стал очевиден именно в тот момент, когда внимание со стороны прессы к её мужу заметно ослабло. К тому же гонорары от изданных книг становились всё скромнее, а деньги на счетах таяли, словно льдины в весеннем половодье. Их ссоры стали происходить всё чаще, оканчиваясь в последнее время приступами откровенного гнева Елены.

К недовольству жены подключилась и порядком избалованная дочь. Виктория заканчивала школу и, скорее по настоянию родителей, чем по собственному желанию готови-

лась к поступлению в институт.

Правда, в какой из них, выбрать она ещё не успела, несмотря на то, что до вступительных экзаменов оставались считанные месяцы. Зато Вика всё чаще устраивала истерики отцу, когда тот отказывал ей в дорогих покупках и постоянно жаловалась на недостаток карманных денег.

Всё это способствовало лишь тому, что Александр начал стремительно отдаляться от своей семьи. В кругу, казалось самых близких ему людей, он уже не чувствовал ничего, кроме одиночества. Окружающий мир стал для него чужим, и он оградился от него затемнёнными имиджевыми очками, которые теперь носил постоянно.

Закончив прогулку по набережной, Вольский отправился в небольшую кофейню, где за чашкой кофе и знакомством с новостями в телеграмм каналах пробыл ещё не меньше часа. Возвращаться домой ему совершенно не хотелось. Поэтому, добив остаток дня в бесцельном шатании по городскому парку, он вернулся к издательству, когда уже начало смеркаться.

Он забрал со стоянки свой автомобиль и затем ещё некоторое время колесил по магазинам, делая незначительные бытовые покупки.

Во двор своего загородного дома Александр въехал только глубоким вечером.

Жена, которую он застал за просмотром какого-то банального сериала, лишь вскользь бросила на него свой холодный взгляд и даже не поинтересовалась причиной его долгого от-

сутствия. Казалось, ей не было никакого дела до мужа, которого неизвестно где носило весь день. Однако эта видимость на самом деле была показной.

– Ну что? Может, наконец, скажешь мне, как мы собираемся жить дальше? – начала она разговор сама, войдя чуть позже в его домашний кабинет.

Елена остановилась в проёме двери, так что падавший сзади свет от софита очень выгодно подсветил её безупречную фигуру сквозь полупрозрачный лёгкий халат. Она всегда была необыкновенно сексуальна, а густые выющиеся волосы лишь добавляли шарма её обольстительной внешности.

Иными словами, она легко сводила с ума практически всех окружавших её мужчин. Всех, кроме собственного мужа. Их взаимная страсть со временем угасла на столько, что они практически перестали замечать друг в друге то, что восхищало остальных.

Вольский в это время сидел за компьютером и просто просматривал ленту одной из социальных сетей. Он не спеша повернул голову в сторону жены и, выдержав небольшую паузу, ответил вопросом на вопрос.

– Смотря, что ты хочешь услышать?

– Вот только не надо включать дурака, Саша! Ты прекрасно понимаешь, о чём я говорю!

– Так ты о деньгах? – спокойно отреагировал на разгорающийся скандал Александр и снова отвернулся к монитору.

– Кажется, понимаю, – продолжила закипать Елена. – Се-

прёзного разговора, судя по всему, опять не будет.

Она уже собиралась развернуться и уйти, но неожиданно передумала, продолжив разговор на повышенных тонах.

– Ты всё ещё думаешь, что ты гениальный писатель, да? Видишь свой портрет висящим на стенах в школьных классах литературы? Ничего подобного, Сашенька. И я всегда тебе говорила, что эта твоя блажь рано или поздно приведёт к трагедии.

– Трагедии? Я чего-то не знаю? У нас что-то случилось, да? – с лёгкой иронией парировал выпад жены Вольский.

– Не ёрничай, пожалуйста! Ты всё прекрасно понимаешь. Я звонила сегодня Марку, и он всё мне рассказал.

– Ах, вот как? – всё с той же показной лёгкостью выказал своё удивление Александр, продолжая делать вид, что занят своими делами.

– Да, вот так! Представь себе. Я знаю обо всём, что с тобой происходит. Точнее, в твоих делах.

– Только в делах? Больше тебя ничего не интересует? – снова ввернул Вольский, ещё больше раздражая своим тоном жену.

– Слушай, ты можешь, не паясничая, просто по-мужски, наконец ответить мне на вопрос? На что мы собираемся жить дальше? Вот теперь, когда всё наконец закончилось?

– А что закончилось? Ты действительно полагаешь, что всё, да?

– А разве нет? Оглянись вокруг! Ты больше никому не

нужен. Вместо того, чтобы развивать свой бизнес, ты бросил всё ради какой-то химеры, и что теперь? Когда я уговаривала тебя сохранить фирму, ты меня даже слушать не хотел. Надоело ему, видите ли! Ему противно заниматься «купи-продайством»! Он больше не может так жить! И что теперь? Опять, в очередной раз, не можем, да?

– С чего ты взяла, что не могу? Это творческая пауза. Такое случается со всеми.

– Пауза? Значит, ты говоришь, пауза?! – покраснелась от возбуждения Елена. – Хорошенькая такая пауза у него! А ты в кошелёк свой давно заглядывал, а? Жить ты на что собираешься? Мы все на что жить должны, по-твоему? Вику вон в университет проталкивать нужно! За какие шиши?! Может, скажешь ещё, что мне самой пора на работу идти, да?

– А что! Не плохая мысль, между прочим. У тебя вроде бы и диплом где-то был. Напомни, ты у нас кто? Технолог химического производства или...

– Да пошёл ты к чёрту! – не выдержала, наконец Елена и, резко развернувшись, бросила уже напоследок, – На ночь можешь оставаться здесь. В спальне тебя тоже никто не ждёт!

После того, как жена, уходя, громко хлопнула за собой дверью, Александр откинулся на высокую спинку кресла и закрыл глаза. Странное ощущение пустоты не покидало его уже давно. Постепенный отказ жены от супружеских обязанностей не вызвал в нём абсолютно никаких эмоций. Он даже удивился тому, насколько безразличной стала она ему в по-

следние месяцы, а может даже и годы. Одиночество в своей собственной семье, по началу с болью разъедавшее его душу, теперь стало привычным и вполне обычным для него состоянием.

Вольский вдруг погрузился в далёкие воспоминания, оказавшись на собственной свадьбе. Затем он попытался вспомнить их первое знакомство, после которого Александр долго не мог избавиться от ощущения, что это не он, а сама Елена выбрала тогда его на вечеринке с друзьями. Как это часто бывает, она просто увела его у своей лучшей подруги, ловко уложив в свою постель. И даже момент сделанного предложения казался ему теперь подготовленным тоже ею, причём заранее и в деталях.

Тогда он снова задал себе вопрос, которого старался избегать на протяжении всей их совместной жизни: «А любил ли я когда-нибудь её по-настоящему? Может быть, это вообще и не было никакой любовью, а всего лишь вспыхнувшей взаимной страстью? Да, безусловно сильной, но только страстью. »

Но вместо ответа в его голове лишь мимолётно пронеслось: «А ведь ты трус, Вольский! Признайся же наконец, что половину сознательной жизни ты прожил с нелюбимой женщиной и теперь просто боишься этого разоблачения.»

Начиная с этого вечера, их семейная жизнь ещё стремительнее потекла в двух закономерно удаляющихся друг от друга направлениях. Они всё реже пересекались в пределах

их достаточно просторного дома. Александр теперь спал на диване своего рабочего кабинета, а его жена в спальне, расположенной в противоположной стороне дома.

Завтракали они, как правило, в разное время. А затем разъезжались каждый по своим делам.

Уезжая в город, Вольский предпочитал возвращаться как можно позже, когда окна в доме были уже темны.

Поразительное безразличие к распадающейся родительской семье проявляла в этот момент и дочь. На её вечно изуродованном вульгарно ярким макияжем лице, читалось лишь полное безразличие к происходящему в их доме.

К отцу она обращалась лишь изредка, и то с одной единственной целью, попросить денег. От всех вопросов касательно её поступления в университет или хотя бы планов на взрослое будущее она моментально уходила, делая крайне кислое выражение лица.

Чтобы превозмочь всю психологическую тяжесть домашней обстановки, Вольский пытался время от времени отвлечь себя работой над новым романом. Но долгие мучительные часы, которые он проводил за экраном монитора, в итоге завершались ничем. Тогда Александр садился в машину и уезжал куда-нибудь на берег реки или в лес. Там красотой природы он старался заполнить свой внутренний вакуум.

Похожие друг на друга бесконечно длинные дни потянулись непрерывной чередой. Вольскому даже стало казаться, что он практически свыкся со своим одиночеством, ставшим

теперь его единственным самовыражением.

Он больше не звонил старым институтским друзьям, с которыми раньше поддерживал отношения. Люди вообще стали заметно раздражать его. Одни своей грубой неотёсанностью, другие, наоборот, отвратительным лицемерием. Бывало, что за день он мог не произнести ни единого слова, в качестве собеседника выбирая лишь самого себя.

Будущее всё больше терялось в неясных очертаниях заднего плана однообразной унылой картины его настоящей жизни. И некогда активный и жизнерадостный человек теперь напоминал собой полусонного ленивца, неподвижно застывшего на ветке огромного заокеанского дерева.

В этот день Вольский поднялся раньше обычного. Ночью прошёл небольшой дождь, и поутру воздух был особенно чистым. После завтрака Александр почувствовал, что не может оставаться дома, и, сев за руль, тут же укатил в город.

Не спеша, абсолютно бесцельно, он бродил по городским улицам, словно искал кого-то или что-то. Но что именно, он понять не мог. Казалось, ноги сами несли его в каком-то важном для него направлении.

На одном из перекрёстков он поравнялся с церковью и остановился, разглядывая отражённые лучики солнца на её золочёных куполах.

Любуясь красотой и величием храма, он простоял так несколько минут, чем успел привлечь к себе внимание.

– А вы не бойтесь! Заходите! – послышался сзади незнакомый голос.

Вольский обернулся и увидел женщину средних лет, одетую в длинный летний сарафан. Её голова была повязана платком, что сразу выдавало в ней местную прихожанку.

– Пойдёмте, не бойтесь! – улыбаясь повторила она, рукой зазывая его за собой.

Принимая приглашение, Александр, который уже много лет не был в церкви, послушно направился за женщиной и, подражая ей, сначала перекрестился у входа, а затем вошёл внутрь.

В храме царил приглушённый свет и, как обычно, пахло ладаном и благовониями.

Вольский, задрав голову, сначала осмотрел расписные своды, а затем осторожно двинулся вдоль стен, разглядывая висящие на них иконы.

Утренняя служба к тому времени как раз закончилась, и теперь в церкви не было ни души. Александр даже не заметил, куда делась пригласившая его прихожанка. Пытаясь отыскать её глазами, он осмотрелся вокруг и, заметив деревянную лавку, вдруг захотел ненадолго присесть.

Сначала Вольский просто смотрел на большую икону, оказавшуюся к нему ближе всех, а затем прикрыл глаза и постепенно погрузился в спокойное, расслабленное состояние.

Он давно не испытывал такого покоя и умиротворения. И если бы не голос обратившегося к нему священника, то он

запросто мог бы погрузиться в глубокий транс.

– Вы впервые у нас? – спросил батюшка с виду приблизительно тех же лет, что и сам Вольский и присел рядом.

– Да, – немного смущённо подтвердил Александр, вдруг испытывав необъяснимое чувство вины.

– Если не секрет, что привело вас сюда? У вас какая-то проблема? – поинтересовался священнослужитель.

Только тогда Вольский заметил проходившую чуть поодаль уже знакомую ему женщину. Она дала священнику условный знак рукой, после чего Александр догадался, что это была матушка, которая, видимо, обратила внимание своего сановитого мужа на его персону.

Некоторое время Вольский терялся с подходящим ответом, так как никогда раньше не беседовал со священником, но потом решил просто сказать всё как есть.

– Увы. И проблема эта, к сожалению, только усугубляется.

– Понимаю. Хотите поделиться со мной?

– И тогда господь обязательно меня услышит вы хотите сказать?

– Вы не верите в Бога?

– В Бога? – задумался Вольский и осмотрелся вокруг.

– Да, в Бога. Святого и единосущного.

– В Бога нищих и больных?

– Ну, это как посмотреть? Возможно, именно тот, кого вы считаете самым здоровым и богатым, в действительность и есть самый нищий и больной, как вы только что вырази-

лись. Вас кто-то очень сильно обидел. Я это чувствую. Может быть, вы сами?

Услышав слова священника, Александр сначала удивлённо посмотрел на него, а затем опустил глаза в пол.

– Возможно, – тяжело согласился он.

– Вас мучает одиночество? Я не ошибся?

Не отвечая, Вольский лишь согласно кивнул головой.

– А вы знаете, что является единственной причиной того, что человек вдруг становится одиноким?

– Вот как? Вы правда знаете, почему? – сразу оживился Александр.

– Разумеется. Как только из сердца уходит любовь, её место сразу занимает одиночество. Бог есть любовь. И как только он покидает человека, ему становится одиноко в этом мире. Вы перестали любить. Причём я не говорю о любви к женщине, хотя и это тоже есть проявление его божественной сущности. Только не путайте любовь и страсть. Страсть от нечистого, а вот любовь от бога!

– И как же мне найти эту любовь, если всё вокруг...

– Не торопитесь обобщать, – аккуратно перебил его священник, – Всё окружающее вас, является лишь проявлением вас самого. Вы сами создаёте свой окружающий мир. И если вы созидаете его с Богом, то есть с любовью, то и мир ваш будет радовать, а не тяготить вас.

– То есть, по вашему, если я начну ходить в церковь, то обязательно верну себе Бога? Я вас правильно понимаю?

– Нет. Если вы хотите просто придти в храм и купить себе Бога, то вам здесь делать нечего. В храм несут свою любовь, чтобы восполнить её в своей душе, а значит и того кто дарует её. Найдите её, и тогда, возможно, Господь позовёт вас к себе.

– И как я узнаю об этом?

– Очень просто. Любовь изменит вас и ваш мир. И тогда иной дороги уже не будет.

Слова батюшки поразили Вольского. В его представлении подобная беседа с духовным лицом должна была обязательно выглядеть скучной проповедью с набором традиционных клише. Поэтому, принимая во внимание очевидную откровенность священнослужителя, он решился на достаточно дерзкий вопрос.

– Скажите! А вы всем об этом говорите или только мне? Мне всегда казалось, что вы священники зовёте людей не столько к Богу, сколько в свой храм. Буд-то Бог существует только в храме!

Священнику, видимо, понравился этот вопрос. Он слегка улыбнулся и ответил.

– Постичь Бога не значит сходить к нему в гости. Хотя многие действительно считают, что это именно так. Однако каждый обретает господа по своему. У каждого свой путь, и я не могу им указывать, какой дорогой им идти. Я лишь слуга божий. Ищите, да обрящите!

– Любопытно! – ещё сильнее оживился Александр. – Но

мне то вы только что прямо указали на мой путь? Или я чего-то не понял?

– Нет, нет. Вы поняли всё абсолютно верно, – не снимая лёгкой улыбки с лица, подтвердил свои слова батюшка, а затем добавил, – Я читал некоторые ваши книги, и кое-что мне действительно понравилось. А теперь простите, но мне нужно идти.

Священник поднялся с лавки, осенил Александра крестным знамением и удалился в алтарную часть храма, расположенную за иконостасом.

Вольский, погружённый в свои мысли, даже не успел поблагодарить его за беседу. Казалось, привычные слова, многие из которых он раньше слышал неоднократно, прозвучали теперь совсем по-другому. Они заставили его, если ещё не переосмыслить, то, по крайней мере, взглянуть на мир и самого себя в нём совершенно иначе.

На протяжении всего дня память возвращала Александру отдельные фрагменты этого короткого разговора. Он вдруг почувствовал, как нечто неподъёмное, где-то на самом дне его души вдруг шевельнулось и двинулось с места.

Ему даже захотелось встретиться ещё раз с этим необычным человеком, чтобы продолжить взволновавшую его беседу. Однако новая волна накатившихся на него проблем заставила его на время забыть об этом случайном разговоре и заняться совсем другими делами.

Ранним утром Виктория неожиданно постучала в дверь кабинета, разбудив отца.

– Что случилось, Вик? – удивился он, раздирая ещё заspanные глаза.

– Привет, па! Извини, что подняла. Тут дело такое... Короче, мы с ребятами в Турцию решили на недельку слетать. Едут все.

– И что? – всё ещё не понимая спросонок смысла её вопроса, поинтересовался Вольский. – Тебе моё разрешение нужно? Если мать не против, то лети. Только осторожнее там, пожалуйста.

– Да нет! Ты не понял, па! Мне бабки на тур нужны.

– А-а? Вон в чём дело? Так бы сразу и сказала. Сколько?

– Ну, штучки две или три.

– Ого! А чего так много?

– Ой, не жмись, пожалуйста. Отдыхать, так отдыхать! Сам всегда так говоришь!

– Хорошо. Я подумаю. Всю сумму не обещаю, учти это, но тур оплачу, конечно.

– О кей, – согласилась дочь и быстро выскользнула за дверь.

После обеда Александр решил проверить баланс своей банковской карточки. Он редко прибегал к такой манипуляции и понятия не имел об активном остатке на ней.

Обнаруженная сумма немало удивила его, так как была настолько мала, что смогла бы покрыть обычные бытовые рас-

ходы не больше, чем на пару предстоящих месяцев. Поэтому для того, чтобы выполнить данное Вике обещание, Вольскому впервые в жизни пришлось досрочно расторгнуть соглашения о банковском депозите и с потерей процентов вернуть деньги на карту.

Это повергло его в ещё большее уныние, и вскоре вызвало обострённое чувство тревоги за собственное будущее.

Вечером, передавая деньги, он в присутствии жены предупредил Вику, что в ближайшей перспективе уже не сможет спонсировать такие поездки.

Как не странно, но Елена в этот раз не вмешалась в их разговор своим едким замечанием, а просто молча вышла из зала.

Такое поведение жены откровенно удивило Александра, и он провожал её взглядом до тех пор, пока она не скрылась за дверью.

Мысли о необходимости, как можно быстрее, найти работу очень быстро вытеснили все остальные заботы. Страх перед неопределённостью занял своё законное место в его голове, не позволяя даже задумываться о творчестве.

В поисках возможного выбора Александр сразу отказался от возвращаться в бизнес. Он прекрасно понимал, что наверстать упущенное ему уже вряд ли удастся. К тому же Вольский, по-прежнему, продолжал испытывать к этому роду занятий устойчивое отвращение. Ему казалось, что с его опытом и образованием он без проблем сможет подобрать себе

что-то более подходящее.

Однако несколько дней безрезультатных поисков вакансий на сайтах в интернете быстро охладили его надежды на лёгкий поиск подходящей работы, и Вольский легко скатился на грань отчаяния.

После очередной неудачной переписки с работодателем, Александр достал из бара бутылку водки и сам за пару часов опустошил её содержимое.

Однако этого ему показалось мало, и он чуть позже добавил к ней ещё пол бутылки виски и к вечеру уже был абсолютно невменяем.

Ночью ему стало плохо. С приступами тошноты и рвоты он боролся до утра. А когда с жуткой головной болью проснулся лишь ближе к обеду, то с трудом смог дойти до туалета и пролежал затем в постели до вечера.

Последствия алкогольного отравления Александр, который всегда относился с осторожностью к спиртному, ощущал потом ещё несколько дней. Всё это время он пытался отвлекать себя чтением книг или просмотром любимых фильмов. Но тяжёлые мысли о жизненной ситуации, в которой он оказался, не давали ему покоя. Поэтому, когда прозвучал внезапный звонок от Марка, он удивился и обрадовался этому одновременно.

– Привет, дружище! – традиционно начал Кугель. – Ну, как ты там? Хотя чего спрашивать? И так догадываюсь. Ты не обижайся на меня, Саш! Я ведь тоже лицо подневольное, –

попытался он зачем-то оправдаться, — Акционеры народ безжалостный! За убытки с меня ведь спросят в первую очередь, сам понимаешь. А у меня душа не на месте из-за тебя.

Александр невольно задержался с ответным приветствием, так как меньше всего ожидал в тот момент услышать от Марка эти странные признания, а потом растерянно произнёс: « -Здорово, коли не шутишь! Рад, конечно, твоей заботе, но... — не успел договорить он. »

— Пустяки, дружище! — бодрым голосом перебил его Марк. — У меня сейчас важная встреча на носу. Давай после семи встретимся в ресторане напротив издательства. Ужин за мой счёт, деловой разговор за твой! Идёт? — ещё более неожиданно пошутил Кугель.

— Хорошо. Как скажешь, — согласился Вольский и слегка съёжился при упоминании ресторана и связанного с ним спиртного.

«Чёрт! Что это было? » — удивился Александр, окончив разговор, так как не имел ни малейшего представления о теме их предстоящей беседы.

Ближе к назначенному времени ему перезвонила секретарша Кугеля и напомнила о встрече в ресторане, куда Вольский прибыл точно без опоздания.

При входе его встретил метрдотель и проводил к заранее заказанному столику.

Марк, как обычно, задержался минут на пятнадцать, а затем появился в зале с широко раскрытыми объятиями и дру-

жеской улыбкой.

– Ну, здравствуй, дорогой! – поприветствовал он на ходу и крепко обнял привставшего из-за стола Александра.

Вскоре к ним подошёл официант, чтобы принять заказ, и замер в ожидании.

– Машину, если что, можешь оставить у нас на стоянке. Нас потом развезут, – заранее предупредил Марк. – Горячее я уже заказал заранее на свой вкус. Надеюсь, ты оценишь мой выбор. Осталось только выбрать спиртное.

– Э-э..., слушай! Я без спиртного в этот раз, – попытался тут же скорректировать заказ Вольский.

Кугель выпучил от неожиданности свои глаза и с недоумением уставился на Александра.

– Не понял! Я же сказал, что банкет за мой счёт, – развёл он руками. – Что я не понимаю, в какой ситуации ты сейчас находишься? Всё в порядке, дружище! Поэтому я предлагаю коньячку грамм по сто пятьдесят для начала, а там как пойдёт. Предлагаю взять Кизлярского! Не возражаешь? Ну и отлично! – не дожидаясь ответа, резюмировал Марк и вернул молодому человеку папку с меню.

Когда подали холодные закуски, организатор застолья сам разлил из графина и, можно сказать, насильно запихнул первую рюмку в своего собеседника.

К делу Кугель перешёл только после третьего тоста, когда приятное тепло разлилось по всему телу и слегка ослабило атмосферу неопределённости за столом.

– Слушай! У меня к тебе дело есть, – начал он, тщательно пережёвывая салат с зеленью и морепродуктами. – Понимай как хочешь, но при этом поверь, что я делаю это исключительно из моей дружеской любви к тебе.

– Да ладно, ладно, говори уже, – усмехнулся в ответ Вольский, окончательно заинтригованный долгим вступлением и подозрительно сладкоголосым тоном старого хитреца.

– Хорошо, – дожевал, наконец Марк и заметно сосредоточился, – Я знаю твоё отношение к подобным вещам, но, поверь, сейчас ничего лучшего я предложить тебе не могу. Короче говоря, появилось тут одно, мягко говоря, обеспеченное дарование. Не подумай, что талантом, но деньгами точно, причём не малыми. Так вот, ему нужен очень хороший редактор за очень хорошие деньги.

Марк внимательно посмотрел на Вольского, пытаясь понять, понял ли он смысл его предложения, а потом решил добавить.

– Думаю, ты понимаешь, что речь идёт о том, что там придётся переписывать всё заново.

От неожиданности Александр нервно дёрнул головой и по началу даже не нашёлся, что ответить. А когда проглотил жёсткий комок, появившийся в горле, немного закашлявшись переспросил.

– Я не пойму! Ты мне литературное рабство предлагаешь, что ли?

– Стоп, мужик, только не кипятись. У тебя сейчас не то

положение, чтобы отказываться. Уж я то наверняка знаю. А тут очень неплохие деньги предлагают, причём за ту работу, которую ты знаешь. Я просто уверен, что ты всё сделаешь как надо!

«Да, да. Именно так, как тебе надо, – успел подумать про себя Вольский, внимательно рассматривая своего нового хозяина. – Что это? Случайное совпадение или кто-то попросил за меня? Хотя какая теперь разница? Выбора у меня всё равно нет.»

Александр молча поднял графин и не спеша, специально затягивая паузу, разлил коньяк, а потом внимательно посмотрел на Кугеля. Ему нравилось наблюдать, как тот замер в томительном ожидании, надеясь поскорее получить положительный ответ.

– Ну, тогда за искусство! – вдоволь насладившись моментом, наконец предложил тост, новоиспечённый рекрут, и первым поднял рюмку.

– То есть ты готов, надо полагать? – хитро прищурился Марк, видимо, всё ещё слабо веря в то, как быстро получил согласие хорошо известного упрянца, и нерешительно протянул навстречу свою.

«А нужда, матушка, ещё не такие стены рушила!» – подумал про себя опытный в таких делах проныра, когда с большим удовольствием опрокидывал себе в рот марочный коньяк.

«Так вот к чему ты клонил в начале нашего последнего

разговора! – сообразил наконец Александр, уже легко справляясь с четвёртой рюмкой. – Вот ведь чёртов хитрец! Заарканил всё-таки дикого жеребца. Молодец! Ничего не скажешь. Интересно, сколько у тебя теперь таких крепостных душ?»

Уже через день Вольский получил первую рукопись, которую и рукописью-то можно было назвать исключительно за набор традиционных буквенных знаков и избитых речевых оборотов.

Тогда Александру впервые довелось испытать на себе унижительное ощущение подневольного труда. Пусть не тяжёлого физически, но морально куда более тяжкого, особенно для творческого человека.

С работой в уготованной ему роли литературного раба Александр стал более-менее свываться лишь когда на его банковский счёт начали поступать действительно не плохие гонорары. В сущности, пустой и бездушный для писателя, но хорошо оплачиваемый труд постепенно вернул в его жизни всё на свои места. Включая утраченную уверенность в завтрашнем дне, а вместе с ней и видимость нормальных отношений в семье.

Однажды поздно вечером Елена сама посетила изгнанного мужа в его кабинете и после традиционного, довольно вялого секса увела обратно в спальню. Прежние отношения между ними постепенно восстановились, словно после обычной бытовой ссоры, и всё пошло, как обычно, своим чередом.

Нельзя было сказать, что Александр был счастлив или по настоящему рад этим обстоятельствам. Но внутреннее умиротворение от возвращения к привычному ритму жизни он, безусловно, испытывал.

Поэтому слабое желание вернуться к работе над собственным романом вскоре возникло само собой. Правда, о чём писать, он не имел ни малейшего представления.

Несмотря на то, что идея будущей книги начала витать почти сразу после той самой, случайной беседы со священником, уловить её Александр по-прежнему не мог.

Однажды ночью он засиделся в кабинете допоздна. Мучительная попытка нащупать свежий сюжет продержала его за рабочим столом до глубокой ночи. Утомлённый и очень недовольный собой, он остался ночевать там же и потом ещё долго не мог уснуть, ворочаясь на диване.

Лишь где-то под утро ему наконец удалось задремать, и тогда у него возникло короткое видение. Одно из тех, что обычно случаются между явью и сном, в момент пробуждения или засыпания.

Нельзя даже сказать, что он увидел её. Александр скорее почувствовал, что к нему приблизилась молодая женщина. Это был лишь слабо различимый силуэт, который на мгновение оказался в поле его зрения. Но в этот миг Александр ощутил совершенно необъяснимое чувство духовной близости к человеку, которого он не мог даже ясно разглядеть.

Казалось, что его зажатая в невидимый корсет грудь на

мгновение распахнулась, и он вдохнул не просто до боли знакомый аромат её тела, а вкусил дыхание удивительной, до той поры незнакомой ему жизни.

Проснувшись, Александр долго не поднимался с постели, пытаясь восстановить в памяти хоть какие-то подробности необычного сна. Никогда прежде ему не доводилось видеть и тем более испытывать ничего подобного.

В последующие дни он не раз возвращался к воспоминаниям о странном видении, но вскоре забыл о нём, пока однажды сон не повторился снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.